

Катя КАПОВИЧ

Катя Капович родилась в Молдавии, училась на Урале, первую книгу стихов издала в Израиле, в Америке живет с 1992 года. Стихи публиковались в журналах «Воздух», «Арион», «Знамя», «Новый мир», «Звезда» и др. В 2001 году за сборник английских стихов «Gogol in Rome» удостоена премии Библиотеки Конгресса США. Лауреат Русской премии 2013 года в номинации «Малая проза». Живет в Кембридже, работает редактором англоязычного поэтического ежегодника Fulcrum, преподает литературу и ведет мастер-классы. В «Волге» публиковались стихи (2013, № 9-10) и рассказы (2015, № 1-2; 2017, № 9-10).

РАССКАЗЫ

Рынок, очередь...

В нашей компании генератором идей был Саша Болван – ударение в фамилии на первый слог. Мы, несколько человек писателей, художников и философов, тогда работали в конторе при Нефтеторге, замеряли и калибровали подземные резервуары. Заказчикам, начальникам нефтебаз и директорам колхозов, мы нравились – молодые, интеллигентные ребята, не дураки выпить. Мы сами себе платили командировочные, но денег было категорически мало. И вот Саша придумал заработок. Продажа баранины на рынке в столице. Отказаться было трудно. У него был знакомый директор колхоза на юге Молдавии с говорящей фамилией Брага. Мужик был и вправду всегда навеселе. Саша с ним обо всем договорился. Времена стояли вегетарианские. Никого особенно не сажали. Отметили в ресторане «Дойна». Саша Болван сказал голосом Горбачева: «Процесс пошел!» Выпив, мы вдруг сообразили, что одно обстоятельство не учтено: негде держать мясо в городе.

– Стоп, машина! – сказал Саша, и все в ресторане оглянулись.

Он понизил голос.

– Ничего, товарищи, решим и этот вопрос!

Он сделал несколько звонков и вернулся к нам.

– Есть человек, который берется хранить, он работает в морге. Там всегда есть место.

Мы посмотрели на него: где он успел набраться за пятнадцать минут?

На наше блеянье, что кошунственно пользоваться последними удобствами человека на земле для хранения туш животных, он бодро отвечал, что фараонов хоронили вместе с женами – не то что с домашним скотом.

– Процесс пошел, главное, не паниковать!

Как было замечено, времена стояли вегетарианские: мясных продуктов в магазинах не было. Мы были всей душой за свободу, то есть – за свободный рынок. А с третьей стороны, прицепилось ко мне: «Рынок, очередь, тюрьма».

Саша Болван договорился на рынке с Григорием из мясного павильона, что тот будет разделывать. И, действительно, процесс пошел. На колхозном газике баранина приезжала в морг, оттуда на Сашиной раздолбанной «Волге» – на рынок в павильон, где царил Григорий. Он снимал шкуру, разделывал и обваливал. В ход шла терминология, которую нужно было запомнить. Шея, лопатка верхняя, лопатка нижняя (рулька), грудинка (пашина) или проще – ребрышки; голяшка, окорок. До того я полагала, что окорок бывает только свиной. За всем этим следил эстет и художник Сережа по кличке Лондон, прозванный так за английское пальто и шляпу, в которых он щеголял. Уж и не

знаю, где он раздобыл этот прикид. Впрочем, знаю. Мать Сережи Лондона работала врачом в Комитете госбезопасности, была выездной. Денег она ему не давала, но иногда подкидывала шмотки. Сережа в пальто руководил продавщицами Машей и – не путать – Машей-Большой. К их именам со временем добавлялись характерные приметы, для удобства: Маша с грудинкой и Маша с окороком.

В морге темно и пахнет. Как пахнет в морге. Жизнь советского человек так же пахнет: формалином. И цинизмом. Это еще к тому же был правительственный морг. «Сегодня в обкоме, а завтра в коме!» – шутил Сережа Лондон. Баран в мешке лежал, похожий на человека. Жизнь советского человека так уныла, что немного жутятины – в кайф. Саша и Сережа несли барана, я замыкала похоронную процессию. Мимо стальных столов. Мимо шкафчиков с номерами. Мы выходили в длинный коридор, в котором одна неоновая лампа всегда мигала от нервного тика, отчего создавалось впечатление, что где-то поблизости милиция.

«Будьте последними. Идите по миру так, словно вас и нет. Не будьте компетентны, не пытайтесь доказать свою значимость – это не нужно. Оставайтесь бесполезными! Вы можете стать деревом с большой кроной». – Сказал великий философ Лао-цзы.

Ближе всего я была к истине, когда шла по этому коридору с полузакрытыми от отвращения глазами. Мы выходили в задний двор с огромным ореховым деревом. Пока мужчины загружали багажник, я читала в тени книгу «Атеисты, материалисты, диалектики Древнего Китая».

Наша компания жила роскошно в те дни. По вечерам мы ели плов и запивали Вин де Масэ. Мы распростились со злосчастной нефтепромышленностью, с ее вонючими резервуарами. Маячила перспектива обогащения и обмена однокомнатной квартиры на двухкомнатную. С доплатой, конечно. Мечты, мечты. Советский человек при всем цинизме живет мечтой.

– Процесс пошел! – выкрикивал Саша Болван, выдавая нам двухнедельную получку.

Мы купили телевизор. Мужчины смотрели футбол. Женщины общались на кухне, готовя плов. Маша с грудинкой четко утвердила себя в качестве наперсницы жизни Сережи Лондона, а Маша с окороком – Сашиной. Это были хорошие, симпатичные девчата. Простые и ласковые в обращении. Обе они до того побывали замужем. Их цинизм меня завораживал.

– Мой маленький, принеси, когда приготовится, тарелочку своему котику? – просил Сережа Лондон, заходя на кухню в перерыве.

– Принесу-принесу, – отвечала Маша сладким Цирцеиным голосом.

Когда дверь за Сережей закрывалась, она добавляла вслед уходящему котику – «гондон штопаный».

Всю неделю я наслаждалась жизнью. Потом приходили выходные, и начиналась работа. Я люблю южный рынок: кудахчут куры, кричит еще не зарезанный петух. «Яблоки белый налив – шестьдесят копеек», – выпекает баба в платке, стоя руки в боки над большим серым мешком. Другая, через небольшую площадь, кричит: «Молодая картошка!» Рядом стоят весы, а за её спиной ходит муж с цыгаркой в натертых гуталином сапогах. Летом на южном рынке можно увидеть даже сохранившийся с прошлого сбора черный виноград. Он лежит в больших корзинах с соломой подобьем елочных игрушек – столь же хрупкий и желанный.

Но вернемся к нашим баранам.

Эстет и философ Сережа Лондон подошел ко мне в четверг:

– Найди кого-нибудь Машке в замену. Мы едем на выходные в Вадул-луй-Водэ!

Ты понимаешь?

– Нет, не понимаю.

– Интим нужен! Я предложение буду делать! Обстановка там – природа, река, то да сё.

Я его поздравила и одновременно вспомнила уютную кличку, которой Маша называет его. Ну, а с другой стороны, дело хозяйское.

В субботу мы с Сашей, как обычно, отправились в морг. По знакомому двору ходили взволнованные, испуганные люди. Мы слышали разговор:

– Несу и чувствую, что покойник шевелится. Даже брыкается. И дух какой-то странный – не человеческий... Как баран мог туда залезть?

– Стоп машина! – приказал Саша. – Пойду и разведую!

«Я не говорю, что вы не должны делать ничего полезного. Делайте полезные вещи, но помните, что настоящий и величайший опыт жизни приходит от делания бесполезного. Он приходит через поэзию, живопись, любовь, медитацию. Величайшая радость наполнит вас, только если вы способны сделать что-то, что нельзя свести к товару. Итак, если вы чувствуете бесполезность – не волнуйтесь. Вы можете стать огромным деревом с большой кроной. И люди, которые вступили в полезную активность... им нужно отдохнуть в тени», – добавляет мудрый Лао-цзы.

Саша смешался с толпой, а я осталась медитировать над фразой.

Туалет

Два года мы снимаем нижний этаж в доме на уютной окраине Кембриджа. Рядом заповедник с четырьмя озерами. Во двор забредают дикие индюшки с выводками индюшат, прыгают на газоне зайцы. Однажды пришла зимой лиса, стояла на снегу и смотрела в окна. От нашей остановки к Гарвардской площади бегают веселый желтый троллейбус и довозит за семь минут. И все это хорошо. Хозяева Дэвид с его женой Тинк звонят в субботу, что у них для меня новость и нам надо встретиться.

– Что за новость? – спрашиваю.

Хозяева живут выше этажом, они говорят одновременно по спаренному телефону, до меня сквозь потолок долетают голоса.

– Мы будем строить мраморный туалет! – кричат они хором.

– Поздравляю.

– В вашей квартире, – добавляет она чуть-чуть торжественно.

В этот момент телефон щелкает и отключается, потому что села батарея.

Я выпила кофе, выкурила сигарету и вышла на крыльцо. Весна в Новой Англии приходит неожиданно, деревья кричат «сюрприз», как гости в день рождения к полной оторопи хозяина. Еще утрами холодно, и лепестки под деревьями можно принять за снег. Цветут райские яблони и три грушевых дерева через дорогу. Цвел кизил, желтая форзиция, на заборе плющ выстрелил в воздух тремя ярко-синими цветками. После долгой зимы тротуар разбит, у обочин белеют следы соли. Ровный розовый свет тонирует обшарпанные дома. Они похожи на родственников на деревенской свадьбе – цветастые и бедные. Среди них свадебным генералом глядит один высокий дом. Хозяин действительно какой-то генерал в отставке. Он моложав, недружелюбен, вместо правой ноги металлический протез. «Что с ним случилось. Он на войне потерял?» – спросила я

как-то соседа Бруно. Бруно отвечает: «Пил, курил, был нормальный человек. Перестал. Авария. Гангрена». Бруно – швейцарец, никакой лишней информации.

Пока в ожидании разговора с хозяевами я люблюсь клейкими листочками, как изволил выразиться Достоевский, из генеральского подъезда выходит полуголая девица. На ней короткое красное платье, она идет, покачиваясь. Так обычно ходят после бурной ночи. Она садится в машину, послав кому-то в окно воздушный поцелуй. После нее остается облачко духов с бензином. Это – весна, это ее аромат. Только я еще не готова принять информацию о наступлении теплоты на веру. На мне черное пальто, мои любимые коричневые ботинки греют ноги, на голове черная шапка. Я собираюсь писать роман, для этого телу нужен свой микроклимат. Мысль о написании романа посещает меня уже третью весну. Во дни, когда птицы летят над головой, я хожу по улицам и думаю о будущем романе. У меня уже и сюжет есть. Не хватает одного – времени. У меня дочь-подросток с характером переменчивым, как погода. Весь учебный год я в хлопотах. Летом дочь-подросток с другими подростками ездит на Уолден Понд, где искал уединения Торо. Дома она утыкается в книгу, вешает на дверь табличку «Прошу не беспокоить!» Попытки завести с ней душевную беседу за ужином разбиваются о лед презрения.

– Что ты читаешь, если не секрет?

– А что?

– Просто интересно, – говорю, нарочито прихлопывая зевок, чтобы она не подумала, что я контролирую ее.

– Трансценденталистов, – бросает она равнодушно.

В принципе мне нелепо беспокоиться. Девочка хорошо учится: по физике, по математике пятерки. Она – редактор их школьной газеты. Хвастаясь дочерними достижениями, небрежно сообщаю приятелю из Гарварда: «Дочь увлеклась Эмерсоном и Торо»... Впереди подачи в университеты. Все рвутся в Гарвард.

– А чем она хочет заниматься?

– Литературой.

– Естественно, – говорит он. – Анекдот новый хочешь?

Он рассказывает анекдот и одновременно смеется. С третьего раза ему удастся удержать хохот.

«Все было нормально, сидели, выпивали. Драка началась после фразы: “Семантика этюдности в прозе Ивана Бунина неоднозначна”».

Будем честны – все мы любим удобства. Сортир с большим окном, с умывальником, в котором вполне можно искупать невысокого человека, роскошная штука. Дэвид с Тинк показывают каталог: так будет выглядеть наше отхожее место в конце лета. Настоящее имя хозяйки Катлин, но она хочет именоваться Тинк, потому что так называли ее мама с папой, когда ей было мало лет. Они оставили дочери в наследство этот дом, который, наверное, стоит пару миллионов долларов. Теперь ей шестьдесят два года, она никогда не работала, она говорит тонким голосом, манерами напоминает маленькую девочку и хочет именоваться Тинк. Всё это верные признаки истерички, если вас интересует мое мнение. Вообще истеричные особы распознаются почти мгновенно. В Союзе они, например, всегда говорили «изумительно» про абсолютно все на свете – от шоколадных конфет до стихов Айги. Они обожали Коктебель, могилу Волошина. В Союзе им хотелось куда-то в Париж... Здесь они возятся целыми днями в огороде, сажают цветочки, ставят кормушки для птиц. Они всецело за демократов, за Хиллари, за эмиграцию. Но живущей у них семье эмигрантов поднимают квартплату до потолка. В окне у них на всеобщее обозрение выставлен плакат: «Мы боремся с оружием!» Где они с ним борются? В своем особняке в самом дорогом районе Кембриджа? Может быть, они

борются с оружием в недавно купленной вилле у океана? Теперь вот этот туалет из мрамора... Значит, нам опять поднимут квартплату.

– Есть же люди, для которых нужник – радость! – с тоской думаю я.

Наступает лето, и в нашей квартире поселяются рабочие. Они приходят по утрам с большими грязными чемоданами. В чемоданах инструменты: пилы, стамески, дрели, наборы сверл. Из туалета доносятся страшные звуки. Там режут мрамор. В подвале орудует плотник. Они вносят внушительную технику. Двое тащат какую-то хреновину, похожую на гаубицу. Она стреляет гвоздями в пол. То есть в то, что осталось от нашего бедного пола. Мы ходим в уборную по досточке. В полдень рабочие едят на террасе принесенные мексиканским парнем, сыном хозяина соседней забегаловки, бутерброды под названием «субмарин» и запивают кока-колой. Рабочие – люди с достоинством, они всегда прибирают за собой, проносят мимо меня, сидящей в гостиной за компьютером, пластиковые мешки с мусором.

– Извините, мы тут наследили.

– Ничего-ничего.

Иногда мы ведем беседы. Одна из них – о детях. Дети есть у всех, они есть у рабочих, они есть даже у полицейских. Полицейская машина стоит на нашей улице, потому что в следующем проулке дом мэра. Встать прямо у его дома неудобно – получится, что мэр защищается от избирателей. Предыдущий мэр хотя бы был черным, а этот совсем белый. Если он поставит полицейских у дома, его не переизберут. А так они стоят у нашего дома, зато от нашей террасы просматривается мэрский вход. Когда полицейским нечего делать, что случается почти все время, они выходят из машины и присоединяются к разговорам на террасе. У нас тут своего рода парламент. Рабочие целиком за Хиллари, мексиканский парень – за Трампа, полицейские отвечают уклончиво. Может быть, им как лицам, состоящим на службе у государства, не положено оповещать нас о партийных пристрастиях. Может быть, они поддерживают всех кандидатов. Может, никого. Кто бы ни встал во главе нашего могучего государства, служитель закона все равно будет иметь свои восемьдесят тысяч в год плюс добавочные за стояние в местах дорожных работ в неурочные часы. Не могу не отметить их дружелюбия. Они итальянцы. Даже в третьем поколении на их лицах обаяние страны, из которой прибыли их предки. Это с одной стороны. С другой стороны, меня как советского человека вид людей в полицейской форме у моего крыльца угнетает. Все обаяние не выгонит из советского человека страха перед португезами. Этот страх генетический. Говорите мне, что хотите, но я сто раз подумаю, прежде чем вступать с ними в дружескую беседу. Я выхожу на перекур и стою в стороне в своем черном пальто, перехваченном ремешком. Июнь выдался холодный. Дочь-подросток сидит в своей комнате. Оттуда доносится гитарная музыка. Электрогитаре вторит пила в туалете. Дальше вступают ударные, два молотка в подвале и стреляющая гвоздями гаубица.

В один из дней звонит телефон. Бодрый голос отрывает меня от созерцания груды досок с гвоздями.

– Привет.

– Привет!

– Как вы там? Все в силе?

– Да, в силе, конечно, – отвечаю в тон и пытаюсь по голосу понять, с кем говорю.

– Точно?

– Точно.

– Ты звучишь не очень уверенно. Есть какие-то сомнения?

– Есть сомнения в завтрашнем дне.

- В чем?
- Не важно.
- Так я буду?
- Да, конечно. Где?

Звонящий отвечает, но из-за электропилы не могу разобрать ни слова. Мне приходится соглашаться со всем сказанным, ведь неудобно после всего спросить: «А кто ты?» Положив трубку, задумываюсь. У меня не то чтобы много русских друзей. После сорока мы вступаем в полосу, когда верх берут родовые отношения. Супруги вытесняют подруг. Семейные пары предпочитают другие семейные пары. Говорят о детях. Говорят про детский сад. Про школу. Совместное проведение праздников. Лыжи. Летом – дом на Кейп-Коде. Что-нибудь про еду. Я мысленно перебираю всех, кто говорит мне «привет». Смотрю на номер, отпечатавшийся в телефоне, но он мне не знаком. А может, вообще номером ошиблись...

Выяснилось, что звонил мой племянник. Он приезжает, чтобы смотреть университеты.

– Это совершенно в твоём духе пригласить кого-то и потом забыть, – говорит Филипп.

- Почему забыть? Я просто не узнала по телефону!
- Не выдумывай, я видел твоё лицо!

В последний раз мы с племянником виделись, когда ему было пять лет и мы с ним играли на ковре с паровозиком. Ося мог играть бесконечно. Я прожила у родственников неделю, и каждый вечер, когда Ося приходил из садика, мы играли. Что-то звенело, грюкало, загорался маленький семафор. После ужина Ося несся в комнату:

– Играем?

Я прокляла ту минуту, когда купила игрушку. Ведь могла купить набивного медведя. В общем, ничего удивительного, что я его не узнала, когда он появился в дверях. Ося был под метр девяносто ростом, про паровоз он не помнил, что меня почему-то обидело.

– Совсем не помнишь? Нам было так весело играть, – говорю ему, вместо того чтобы сказать: «Ты меня истязал неделю, хотя бы запомнил!»

Посмотрев на меня с заботливой улыбкой, как смотрят на скучных пожилых родственников, он спросил, где у нас курят.

- На террасе, – отвечаю.
- Там у вас полиция какая-то... Случилось что-то?
- Наша полиция нас стережет.
- Что?
- Не важно, они тут мэра охраняют.

Ося пожал плечами и пошел курить.

Через час, когда Ося не зашел в дом, я вышла за ним и застала всю компанию за увлеченным спором. Рабочие объясняли, почему надо голосовать за Хиллари. Мексиканский парень, консолидировавшись с одним из полицейских, отстаивал консервативную партию. Они нашли серьезного оппонента в лице Оси. До меня донеслось: «Прогнило что-то в королевстве Датском». Говорили бурно, но при этом никто не грубил. Огромная культурная разница в ведении дебатов между русскими и американцами: русские в ответ на высказанный тезис говорят: «Нет, вы не правы!» Далее следует идентичное рассуждение, сказанное другими словами. The same difference. Американцы отвечают: «Я в принципе согласен», а дальше излагают совершенно противоположную мысль.

К трем основным законам диалектики Гегеля надо добавить четвертый. Ремонт никогда не начинается вовремя и никогда не кончается в обещанный срок. Тот факт, что он растянулся на два месяца вместо трех недель, дает мне идею. Испорченное лето. Испорченная жизнь. Не написанный роман. У меня сюжет пропадает. Становление девушки с независимыми взглядами. Девушка-подросток из семьи русских эмигрантов возглавляет движение Black Life Matters. Ей приходится преодолевать неодобрение родителей, которые, как многие из соотечественников – расисты. Конечно, я не расист. Конечно, любой из моих друзей о себе скажет то же самое. И, конечно же, все мы обманываемся. Кто из нас в ответ на фразу нашего ребенка «Жизнь черного важна» не поднял брови и не пробурчал «Жизнь белого тоже важна!» Да, это так, но только, черт возьми, жизнь белого человека важна уже две тысячи лет. В какую эпоху ни заглянешь, она важна. Но я отвлеклась. Я думаю, что надо просить у хозяев компенсации. Идея настигает меня внезапно среди ночи, и я бросаюсь на нее, как сова на мышь. Я не могу уснуть до утра. Как завести разговор о деньгах? Нас ни в школе, ни в университете не научили этому. Один студент, которому я преподаю русский частным образом, недавно сказал, что у него плохо с финансами. «Можешь не платить...» – начала я фразу и не успела закончить, как он радостно хлопнул меня по спине: «Я надеялся, что ты так ответишь!» И мне было неудобно исправлять ошибку. Что я имела в виду, что он может заплатить потом. Приятель из Гарварда уверяет, что компенсация за неудобства может быть в квартирную плату за два месяца. Он обещает уточнить.

Внезапно хозяева уезжают. Я вижу, как один за другим на улицу выносятся чемоданы. Звук отъезжающего такси.

- Куда это они? – спрашиваю у плотника.
- В Париж.
- Везет некоторым.
- Ничего, вот закончу проект, тоже двину на север.

Пока я вдумываюсь в это «тоже», он озабоченно шарит по карманам и достает связку ключей.

– Возьми ключи, это от их хаты. Мало ли что случится. – Неожиданно добавляет он.

Задумаемся, из чего состоит наша жизнь? Она состоит из мелочей. Задним числом мы видим большие этапы пути. Чаще всего удручающе бессмысленные. Однажды еще в Кишиневе мы с другом год строили теплицу, чтобы выращивать на продажу тюльпаны. К двадцать третьему февраля. К восьмому марта. Тюльпаны – капризные цветы. Чтобы вырастить тюльпан, для начала луковицу тюльпана сажаешь в землю, где она проведет год. Это нужно для выгонки ростка. Наконец переносишь вырытые луковицы в отстроенную теплицу. Все шло замечательно, но накануне февральского праздника пришла милиция и разрушила творение нашего практического ума. Теплица рухнула, мертвые тюльпаны на осколках стекла и досок, как кровь. Но это в прошлом. В той стране мелочи подвергались остракизму. А жизнь все-таки состоит из мелочей. Приятно, например, уехать куда-то, а потом вернуться и обнаружить оставленную на диване книгу, от которой пахнет сигаретами и кофе. Приятно выйти на террасу, закурить и почувствовать вдохновение. Хорошо бы в первых параграфах романа задать направление. Важнее всего тон. Я называю это «мелодией». Я ее услышала, а остальное ляжет на эту музыку.

Лето идет своим чередом, и мы привыкаем жить на обломках. Куски мрамора на диване и столе. В ванной лежит тяжелая мраморная плита, другая прислонилась к унитазу. В отсутствие хозяев рабочие не очень налегают на ремонт. Ося ездит смотреть университеты. Дочь-подросток сидит в своей комнате, иногда к ней забредают друзья. В

одно из утр я останавливаюсь в коридоре рядом с ее дверью, потому что в нос ударяет отчетливый запах марихуаны. После стука в дверь слышу:

- Кто там?
- Призрак отца Гамлета! Чем у тебя пахнет?
- Ничем!

Дверь приоткрывается ровно на два пальца, вопросительный взгляд честных и бесконечно любимых глаз.

- Что?
- Я – что? Это ты – что!? Откуда запах?
- Не отсюда! Ты же знаешь, что я не курю.
- А откуда?
- Не знаю! Я сплю. Спроси Осю!
- А где он?
- Не знаю.

Дверь захлопывается. Занавес.

Ося как раз движется со стороны остановки, у него что-то в руках. Он несет ЭТО, прижимая к груди. Младенец, мелькнуло в голове. Ося немного чудаковатый. Он подходит ближе, у него в руках скелет. Накануне мы выпили с мужем, и теперь я почувствовала, что реальность едет вбок.

- Что это? – спрашиваю.
- Это скелет.
- Сама вижу, что скелет.
- Купил на развале. Для рисования. Скелет женский, – добавляет он.
- Понятно, – говорю.
- Я давно мечтал про такой, но дорого было. А здесь шел мимо развала, увидел...

Так вот, жизнь состоит из мелочей. Не могу же я воспрепятствовать Осе подселить в комнату эту штуковину. И тут мне в голову приходит гениальная мысль. Ося втащил вещи в хозяйскую квартиру. Здесь было прохладно и хорошо пахло, в то время как у нас стояла духота и пахло сыростью из подвала. И выглядела квартира в полтора раза больше, хотя располагается прямо над нашей. Из комнаты дочери в нее ведет черная лестница. Раньше я заходила пару раз по мелочам: отдать чек за квартиру, одолжить молока для кофе.

Я отдаю племяннику ключ.

- Вон в той, задней, можно бросить кости? – спросил Ося.
- Можно. Но, умоляю, соблюдай чистоту.
- Будет выполнено, мэм!
- И не кури тут!
- Ессесно. На балконе можно?
- Ну, разве что на балконе. Вообще курить – здоровью вредить!
- Кто бы говорил.

– Вот они такие, эти подростки. Мы хотя бы скрывали от родителей до вполне серьезного возраста пагубные привычки, – говорю я плотнику.

Он кивает.

– А они, – продолжаю запальчиво, – внаглую, прямо в школе даже. Выйдут за угол, скрутят и шмалят. Моя дочь, правда, не курит.

- Ты уверена.
- Конечно!
- Откуда такая уверенность?
- Она сказала!

– Ну, тогда конечно! – восклицает он. – Она в каком классе? Сколько ей? Шестнадцать?

– Ей только пятнадцать. Она пошла в школу на год раньше.

– Мы с приятелем в девятом классе ЛСД принимали. Грибы жрали. Один раз кокаин пробовали.

Если в мире ничего ни убавить, ни добавить, то в романе писателю – воля вольная. Наивные люди полагают, что произведение отражает реальность. Искушенный человек знает, что искусство придумывает свою реальность. Да и что такое реальность, так подумать? Ведь не стулья и столы, не мраморный туалет. В детстве я много врала. Я врала в школе, когда не выучивала урока. Я врала так художественно, что все заслушивались. Пример вранья в связи с не принесенным домашним заданием в четвертом классе. Дверь не открылась почему-то, и мне пришлось идти к соседям. У них дрессированная обезьяна, потому что сосед был капитаном корабля, привез обезьяну из Турции. Бросили доску, обезьяна пошла по ней... Но открыть дверь не смогла, хотя и очень умная и всё понимает. Я врала так красиво, что учителя просто от удовольствия слушать меня не ставили плохую отметку. Во дворе я тоже врала. Рассказывала ребятам истории про зарытые клады, и сама иногда начинала верить в то, что наплела. Удивительная способность воображения в том и заключается, что выдуманная реальность реальней мира снаружи.

Приятель из Гарварда звонит наконец с хорошей новостью.

– Реально можешь не платить за то время, когда шел ремонт! Ты же ничего не подписывала?

– Нет, вроде.

– Что значит «вроде»? Подписывала или не подписывала – вот в чем вопрос!

– Я думала, вопрос «быть или не быть».

Он на полминуты задумывается.

– Я бы на твоём месте написал хозяевам прямо сейчас, пока они в отпуске наслаждаются видами, а ты тут в грязи и пыли валяешься – пусть почувствуют разницу. Ты говоришь, что у вас там до сих пор не убрали? Приложи фотографии. Это будет эффектно!

Мой приятель учится на юридическом. У нас вышла история с предыдущим хозяином квартиры, тот не возвращал залог. Приятель пошел с нами в суд. У хозяина был опытный адвокат, а у нас этот, студент. Оба евреи. Когда вошли в зал суда, хозяйский адвокат посмотрел свысока, кривая усмешка промелькнула в усиках. Пропали денежки, пробормотала я. Филипп улыбнулся: «У нашего нос больше!»

В один из вечеров, когда племянник уехал, когда рабочие загрузили инструменты в машину и отбыли, когда дочь ушла ночевать к подруге, я зашла в хозяйскую квартиру. Лето шло к концу, жильцы нашей улочки ловили последние чарующие закаты на балконах. Только генерал стучал по кирпичному тротуару своей металлической ногой. В тот вечер всё было особенным. Я вошла в хозяйскую кухню и зачем-то открыла холодильник. В холодильнике ничего не было, кроме бутылки рислинга. Я налила себе бокал и вошла в спальню. Я включила радио и села на кровать. Белое покрывало хранило тепло от дневного солнца. Рядом на тумбочке лежали альбомы и журналы по садоводству. Взгляд привлекло другое – японские нэцкэ из слоновой кости. В ряде их прослеживалась эротическая тема. С фотографии со стены на меня смотрели хозяева. Экие озорники...

Я взяла еще вина, стала пить и смотреть в окно. Радио играло джаз. Желтый, объединенный с краю каравай солнца, лежал на серебряном облаке, как на подносе. Просто голландский натюрморт. Я легла на кровать, открыла книгу об искусстве эротического

нэцкэ и прочитала, что японцы не видели ничего позорного в сексе. Потом я позвонила мужу, чтобы он принес наверх какой-нибудь закуски.

– Что вдруг?

– Ты приходи.

Будет хорошо

Итак, квартиру нашла я, водя пальцем по очень важному списку квартир для гарвардских работников и отмечая подходящие варианты. До нее я посмотрела несколько других квартир. В квартире на Гроджер-стрит хозяйка, интеллигентная седая дама, вдруг спрашивает:

– Дочь у вас ходит?

– Куда ходит?

– Ну, ходит она у вас вообще?

– Она – полноценный ребенок! – отвечаю.

Сказав, спохватываюсь, что сказала что-то политически некорректное. Сейчас она меня уличит. Но хозяйка уже идет к входной двери:

– Эти подростки много ходят туда-сюда, скребут ногами по полу, дверью хлопают. А я снизу живу, мне всё слышно. Нет-нет...

В следующей квартире мне все пришлось по душе. Она просторная, с высокими потолками. Все замечательно, кроме одного: окна выходят во двор дома престарелых. Пока мы беседуем с уютной тетуськой в кухонном переднике, хозяйкой этого комфортабельного жилья, во двор дома престарелых въезжают сразу две полицейских машины и следом скорая помощь. Все три транспортных средства, даже прибыв к месту назначения, не перестают издавать громкие сигналы. На тихих улицах Кембриджа звук сирен особенно слышен. Он усилен мегафоном кирпичного переулка. При этом все три машины разбрасывают красные и синие лучи во всех направлениях. Гостиная от этих спецэффектов начинает напоминать дискотеку. Теперь мы с хозяйкой кричим, чтобы услышать друг друга.

– Район у нас удобный, тихий, близко магазин... – кричит она.

– Какой магазин? – кричу я, не расслышав.

– Что?

И вот наконец предел желаний – квартира на Ларч-роуд. С террасой, задним двориком. Местоположение ее настолько примечательно, что не могу не поделиться. Совсем неподалеку, практически в двух кварталах от дома, исторический заповедник с большим озером. Еще по бокам находятся три озера поменьше. На границе заповедника растут столетние сосны, склон усыпан хвоей, по пригоркам виднеются заросли ландыша. По дорожкам скачут белки, снуют бурундуки, в дупле дерева видно лицо совы. Под деревом стоят, задрав головы, две пожилые пары. Они фотографируют сову, которая их не видит. Ночью она проснется, вспомнит странный сон про людей, которые зачем-то стояли внизу и время от времени выпускали синие стрелы в ее направлении. Она вылетит из дупла и пронесется над лесом, над водоочистительной станцией, настигнет в кустах мышь. С годами я все больше люблю тишину, одинокие прогулки. Природа вечна, мысли о ней ободряют.

От заповедника я быстро добралась до этого домика. Привязывая у дерева свой Specialized, все не могу забыть увиденную пастораль с озером и совой, с кустами шиповника и дикой малины. А какое там море цветов! От полевой ромашки, зверобоя и Иван-чая до изысканных роз.

Хозяин по имени Дэвид. Это спортивной комплекции шестидесятилетний мужчина того типа, который называют «мужественным»: с приятным, немного каменным лицом, высокими скулами, твердым подбородком. Форма одежды демократическая: шорты, рубашка навывпуск, мокасины фирмы «Эко». Накачанные мышцы ног говорят о любви к движению. Он, конечно, будет спрашивать о семье. Потом задаст вопрос о работе, и мне надо будет показать, что ситуация у меня временная, скоро я опять буду служить. Также он наверняка попросит назвать имена гарантов, которые смогли бы подтвердить мою платежеспособность. Я заполню бумаги, вложу в конверт письмо от нынешнего лендлорда, отвечу на вопросы об имеющихся хобби. Я – писатель. В Америке, если ты не зарабатываешь своим делом, оно всего лишь хобби. Ну и плевать. Хобби так хобби. На мне тщательно подобранный наряд: черные брюки в обтяжку и голубая стильная майка из магазина «Дизель». Мы с Дэвидом садимся на садовую скамью во дворе и он меня спрашивает:

– Для чего ты хочешь жить?

Наклоненные ветки райской яблони увешаны красными плодами. Вверху стрижи режут голубое небо на лоскуты. Трассирует сквозь облако самолет, оставляя за собой молочную полосу. На детской площадке через дорогу визжит малышня на качелях. А до этого когда-то я жила в местах, где снаружи дымили трубы заводов, на окне лежала индустриальная гарь. По глубоким и темным, как морщины на лицах стариков, улицами, текли остатки дождя, перемешиваясь с химическими сливами.

Я честно и не без некоторого пафоса всё это эму говорю. В глазах у меня вот-вот выступят слезы. Недавно в предвкушении нового счастливого этапа жизни я слезла с прозака. На прозаке люди перестают плакать. Они, может быть, не веселятся, как воробьи в луже пыли, но они не слезливы.

– Я люблю жить.... Вот этот мир, окружающий меня, и тот, который я оставила на родине, который был страшен и по-своему прекрасен. Он одновременно тоже здесь, – я обвожу рукой умозрительное пространство.

Хозяин пораженно смотрит на меня. Может быть, я не расслышала вопрос, спрашивает он. Его вопрос был совсем простой, и он его готов повторить четко с чувством и расстановкой:

– Почему вы хотите жить здесь? Ведь Кембридж очень дорогой район? Есть Сомервилль, есть, наконец, совсем дешевый Олстон?

– Здесь красиво, – говорю я.

Фраза почему-то его убедила.

Я еду домой и по дороге останавливаюсь у кафе. Там я вижу Ванессу. Я обучала ее поэтическому мастерству. Ванесса мечтала стать поэтом. Или поэтессой. Она и одета соответственно. Она вся в черном, даже в кафе не снимает черных очков.

– Как дела? – спрашиваю.

– Хорошо.

Голос у нее тоскливый. Когда она выдавливает ответ, кажется, что она просто скрывает нечто. «На самом деле все очень-очень плохо, через месяц я умру от рака мозга».

– Все в порядке? – на всякий случай уточняю у нее.

– Нашла работу.

– Поздравляю.

– Социальным работником.

– Прекрасно!

Я улыбаюсь и всячески даю понять хмурой Ванессе, что разделяю ее радость. Когда подходит ее очередь заказывать кофе, я отхожу в сторону и смотрю, как она

получает свой пластиковый стакан с чем-то очень густым – большая шапка сливок венчает это дело. Кофе – дело интимное.

Я беру свой бумажный стаканчик, удаляюсь в угол, чтобы там в прохладе и приятном одиночестве подумать о том, что мне делать с моим «хобби». Ничего, кроме, неприятностей, оно мне не принесло. Бедные родители. В других семьях дети приходили домой и хвастались тем, что записались в кружок. Я на полугодовой контрольной по физике задумалась о чем-то, смотрела в окно, написала стихотворение. Постоянные выговоры за опоздания. Экзамены, на которые забывала явиться. Нарекания на работе. Завкафедрой Леонид Израилевич в сельхозинституте, где преподавала английский, с утра посреди коридора. Выразительный взгляд на часы: «Ну ты даешь!» Ощущение маски, постоянный страх разоблачения. Камю сравнивал писателя с лицедеем.

Ладно, а что хорошего? Искусство – второй шанс. В жизни всё случайно, искусство избирательно. В нем существует справедливость. Истина, добро и красота. Китс написал. «Красота – истина, истина – красота», – вот и всё, что знаешь ты на земле, что знать ты должен. Я согласна с Китсом.

Через какое-то время поднимаю голову оттого, что кто-то стоит рядом и практически дышит в затылок. Ванесса – маленькая, белокурая, непонятной комплекции с непонятными чертами лица. Она наконец сняла очки, но прочитать что-либо в глазах невозможно.

– Послушай, – говорит Ванесса, – ты думаешь, что это хорошая работа для меня?

– Какая работа?

Тут я вспоминаю... Мне всегда неловко, что самое главное я не помню. Помню какие-то бессмысленные мелочи про людей. У Ванессиной кошки были больные почки, она ей делала уколы. Потом, когда кошка умерла, у Ванессы появился бойфренд. Он ей изменял. Когда он заболел, она его лечила.

– Это очень конкретная работа – помогать несчастным, и ты молодец, что взялась за такой нелегкий труд!

За очками не видно, верит она мне или воспринимает скептически. А я ведь не лукавлю ни капли. Я бы с радостью поменялась с ней.

Ванесса слушает и попивает свою молочную гадость. В кафе входит группа шумных школьников и школьниц. Похоже, им лет по семнадцать, последний класс. Как они не похожи на нас в юном возрасте. Счастливые. Ни спрятанного под подушку «Архипелага», ни переписанных в тетрадку стихов Мандельштама, ни семейных альбомов с фотографиями мертвецов.

– А у тебя как дела? – спрашивает Ванесса.

– Вот сняла квартиру...

– Да, – задумчиво отвечает она. Под носом у нее молочные усы, о чем я ей сообщаю. У нее очень заторможенная реакция.

– Конкретная работа, ты права... В бюро трудоустройства ничего другого не было. Думаешь, будет хорошо?

– Будет хорошо!

Много лет мне было плохо. Были запутанные отношения с мужчинами. Я подумала и решила стать счастливой. Я сижу с ногами на диване, улыбаюсь, делаю в зеркале смешные лица. Я поднимаю брови в знак невыразимого удивления. Я растягиваю рот так, что он вот-вот лопнет. Сентябрь, а так жарко! Температура иногда доходит до сто по Фаренгейту. Квартира заполняется новой мебелью.

Я купила: высокий стол и четыре высокие барные стула. Кровати и шкафчики для одежды. В Крэг-листе я нашла изящный журнальный стол и белый кожаный диван.

Белый, дамы и господа! Он стоит в комнате с эркером, в окнах – участок двора, изгородь, платан, кусок дороги. Счастливый человек отличается от несчастного тем, что у него ощущение, что все произойдет само. Поэтому я провожаю дочь в школу, делаю большую джезву кофе и сажусь за работу. В настоящее время я пишу прозу. Я пишу как бы ни о чем. О пустяках. В моем рассказе ничего не происходит. Я пишу, как познакомила одного из своих друзей с его будущим мужем. Они оба были настолько застенчивы, что не решались заговорить. Я увидела, как Бен смотрит на Ульриха, и познакомила их. Я убеждена, что лучшие в мире рассказы ни о чем. О чем, например «Дама с собачкой»? О том, как Дмитрий Дмитриевич несчастлив с женой и хочет забыться. О том, как Анна Сергеевна хочет любви. Ведь такое можно сказать о любых людях! Какая простая, старая как мир история. А о чем «Записки сумасшедшего»? Да все о том же. О том, как бедный Аксентий Иванович хочет любви. Я ложусь на белый диван и думаю о тайнах мастерства. Я думаю о Чехове и о Гоголе, и еще о ряде людей, чье умение обращать слова в удивительные картины сделало такую невероятную разницу. В настоящее время меня интересует любовь и счастье. Чехов сказал, что счастье это то, что понимаешь только по прошествии времени, когда оно уже ушло. Счастье есть воспоминание о счастье. То есть искусство.

В жару белый диван хранит прохладу. Я ложусь, закладывая руки за голову и вспоминаю места проживания. Когда ничего лучшего нет, я люблю думать о том, где я была, и сравнивать с тем, где оказалась. Сравнение в мою пользу.

Есть американская поговорка: не можешь добиться счастья, сыграй его. В детстве я много кривлялась. В начальных классах имела репутацию клоуна. Я раскрашивала лицо цветными мелками – где я только их добывала при вечном дефиците цветного мела. Мне делали длинные записи в дневнике, отсаживали за отдельную парту, водили по классам с тем, чтобы устыдить. Ничего не помогало. Я научилась шевелить ушами. Я была счастливым человеком, как я теперь понимаю. Огромную радость мне доставлял смех товарищей. Учительница поговорила с мамой:

– Понимаете, я лично стерплю в своем классе клоуна, но ведь ей жить потом в совсем другом мире!

Я присутствовала при разговоре, видела грустные мамины глаза. Мама мне строго запретила кривляться. Она взяла с меня слово, что я никогда больше не буду этого делать. Я с тоской пообещала.

– Помни, тебе еще жить в другом мире! – Со слезами в голосе добавила она.